

Жаботин

ГОРЦЫ Кавказа

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE

ORGANE DE DÉFENSE NATIONALE DE CAUCASE DU NORD

№ 27

Февраль — février

№ 27

1932

ГОРЦЫ КАВКАЗА

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE

орган Народной партии горцев Кавказа

organe de défense nationale de Caucase du Nord

№ 27

Февраль—février

№ 27

СОДЕРЖАНИЕ:

Партана—Кавкаские пожелания Лиге Наций	1	Юсуф-Бек — Коммунисты-националы	24
Азамат—Новый опыт в Дагестанской республике	3	Леон Василевский (от редакции)	27
Полковник Хурш—Боевые действия в 1840—43 годах	8	Вести с Родины	27
Вараеби Байтуган — Фальсификаторы истории	16	Зарубежная хроника	30
		Обзор печати, критика и библиография	31

Кавкаские пожелания Лиге Наций

Нужны были столетия, чтобы любое из современных нам государств зародилось, жило, развивалось и, наконец, подобно некоторым из них, сошло со сцены или-же, после тяжелой болезни, возродилось к новой жизни.

В этом отношении Кавказ, по своему географическому положению, находился в исключительно невыгодных условиях, чтобы окончательно оформиться государственно и этим обеспечить длительность своего существования. Он веками служил барьером продвижению варварских полчищ, направляющихся из глубин Азии в Европу. С половины 18 века такую-же роль барьера Кавказ играл в отношении русской экспансии, стремящейся уже в обратном направлении — из Европы в Азию. Почти весь период исторической жизни кавкаских народов прошел в безудержной борьбе за свободу и за целостность родных очагов, в которой они ни откуда не получали поддержки. Настоящая действительность этого положения не изменила. Перемена режима в России изменила только вывеску, сохраняя в неприкосновенности сущность империалистических вожделений России. Если в старое время царское правительство свои захватнические стремле-

ния на Востоке оправдывало именем креста и цивилизации, то в настоящий момент эти-же стремления прикрываются лозунгами коммунизма, долженствующими охватить человечество во всеобъемлющей Республике Советов. В борьбе с этим новым изданием русского империализма кавказские народы по-прежнему одиноки, если не считать сотрудничества с инными народами, так-же стремящимися освободиться из под ига России.

Отдельные государства мира заключили и заключают с Советами пакты о ненападении и экономическом сотрудничестве, но это—лишь паллиативы для первых и передышка для вторых на пути к Всемирной советской социалистической республике.

Державы мира, в лице Лиги Наций, стоят сейчас перед разрешением проблем: мирового разоружения, мировой несостоятельной задолженности, всеобщего экономического кризиса и пр. Все эти вопросы находятся в тесной и доминирующей связи с устроением политической и экономической жизни $\frac{1}{3}$ части нашей планеты, называемой сейчас СССР. Сюда входят — Кавказ, Украина, Туркестан, Идел-Урал, Сибирь, Карелия и пр., не считая самого гегемона над этими странами — Москвы.

Мирная конференция в Версале разошлась, оставив в наследство Лиге Наций проблему политического устройства Восточной Европы и части Азии, включающими в себя все перечисленные выше страны. В правильном разрешении этой проблемы — ключ и залог политического и экономического равновесия мира. Европа и мир должны раз навсегда предотвратить себя от исторических сюрпризов, авантур и угроз, преподносимых очередными захватчиками власти в Москве. Необходимо локализовать гнездо захватничества и дикости пределами, в которых они потеряют всю свою силу и опасность. Единственный путь для этого, моральная и материальная поддержка народов Кавказа, Украины, Туркестана, Идел-Урала, Карелии и пр. окраин СССР в их правах на самостоятельное государственное существование. Этот путь является одной из основ достижения мирового равновесия и наши пожелания, пожелания кавказцев, сводятся к тому, чтобы народы мира возможно скорее пошли-бы по нему.

Политический ареопаг мира, в лице Лиги Наций, должен прежде всего проникнуться этим осознанием и понять, что сегодняшние заверения красного Кремля — очередная и исторически традиционная ложь Москвы, стремящейся замаскировать свой хищный империализм. Не следует забывать, что еще вчера миллионы русских гибли на Балканах, на Кавказе, Туркестане и далекой

Сибири, якобы, „за крест и цивилизацию“, и что сегодня новые миллионы русских готовы умереть за не менее звучный лозунг — воплощение коммунистического рая на земле. Здесь произошла лишь внешняя трансформация лозунгов, но сущность, прикрытая ими, осталась все та-же—вечное стремление к гипертрофическому расширению своих границ, к покорению и угнетению народов более слабых или-же временно ослабевших. Кавкаские пожелания, повторяем, сводятся к тому, чтобы все это возможно скорее было осознано миром, и, прежде всего, авторитетным выразителем мирового общественного мнения—Лигой Наций.

Нартана.

Новый опыт в Дагестанской республике

В номере 26-м нашего журнала мы ознакомили читателя с актом присоединения Дагестанской республики к т. н. Северо-Кавкаскому краю, творящему один из хозяйственно-административных районов Р.С.Ф.С.Р. Мы в достаточной степени выяснили скрытый смысл присоединения и те полицейские задачи, кои преследуются коммунистической властью в отношении горцев Кавказа. Ныне, после присоединения, постепенно выявляются и практическо-хозяйственные задачи, руководящие коммунистами.

Перед нами постановление Северо-Кавкаского краевого комитета В.К.П. (б.) от 26-го октября 1931 г. Это — план реконструкции хозяйственно-экономической и культурно-просветительной жизни Дагестанской республики, напечатанный в ростовской газете „Молот“ от 31 октября 1931 г. Мы не будем приводить всего постановления, т. к. оно заняло-бы половину нашего журнала, а ограничимся только разбором тех вопросов, кои являются наиболее характерными для иллюстрации хозяйственных опытов коммунистической власти в Дагестане.

В плане реконструкции, например, ставится задача: — „Довести в течении 1932 г. количество молочно-товарных ферм до 150 с поголовьем в 15000 коров; количество телячных-товарных ферм до 300 с поголовьем в 30000; овцеводческих-товарных ферм до 100 с поголовьем в 250000 овец“. В дальнейшем раз'яснении мы находим указание на то, что уже в 1932 г. поголовье овец на товарных фермах должно быть доведено до 400.000. Так сказано в плане большевиков. Теперь обратимся к статистике, в свете которой можем себе реально представить действительность прошлого и настоящего, а так-же ценность цифр

плана реконструкции. При этом придерживаться будем исключительно данных советской литературы.

По данным „Атласа СССР“ (Госизд., Москва, 1928 г.) картина такова:

В 1915 г. крупного рогатого скота в тогдашней Дагестанской обл. было 390 тыс. штук, мелкого рогатого скота — 2130 тыс. штук.

В 1925 г. крупного рог. скота — 287 тыс. шт., мелкого — 1700 тыс. шт.

В 1927 г., с присоединением Кизлярского и Ачикулакского округов, крупного рогатого скота — 648 тыс. шт. и мелкого рогатого скота — 2168 тыс. шт. Для более полной иллюстрации приведем еще данные из книги Эфендиева — „Дагестан“ (Госизд., Москва, 1925). Эфендиев по национальности горец-дагестанец и стопроцентный коммунист. Статистические данные, помещенные в его книге, относятся к Дагестану границ царского периода. Эфендиев утверждает, что в Дагестане в 1911 г. было: — крупн. рог. скота — 686 тыс. шт., мелкого рог. скота — 2194 тыс. шт. В 1925 г., после занятия Москвой Дагестана, т. е. после того как красная армия прошла по Дагестану огнем и мечем, реквизируя имущество и устанавливая коммунистический рай, крупного рогатого скота уже насчитывалось только 295 тыс., а мелкого рог. скота — 1185 тыс. шт.

При сравнении этих двух источников мы видим, что цифры, приводимые ими, расходятся, но, одновременно, мы замечаем в них и общую черту: они согласно утверждают, что к 1925 г. общее поголовье рогатого скота уменьшилось почти на половину и едва достигало 50—60% до-военного состояния.

Правда, источник первый („Атлас СССР“) утверждает, что к 1927 г. количество скота в Дагестане резко увеличилось, но это увеличение объясняется не ростом животноводства, а расширением границ Дагестана путем присоединения 3-х новых округов: Хасаф-Юртского, Кизлярского и Ачикулакского. В последних двух, благодаря их резко степному характеру, животноводство было особенно развито. До войны поголовье рогатого скота превышало здесь 2 мил., а в пределах всего Дагестана нынешнего дня в это-же время поголовье доходило до 5—6 мил. штук. Ныне-же, как мы видим из данных „Атласа СССР“, количество это уменьшилось до 2800 тыс. штук, т. что ни о каком развитии животноводства в сравнении с до-революционным периодом не может быть и речи. К 1927 г. состояние животноводства определялось 50—60% до-военного количества скота.

После объявления принудительной коллективизации в 1950 г., количество скота уменьшилось еще более, причем местами это уменьшение превышало 50% количества скота перед этим. Поэтому, к настоящему времени, животноводство, несомненно, в еще худшем состоянии, чем в 1927 г. Значение этого падения представится ярче, если мы напомним, что почти 60% населения Дагестана существовало, главным образом, за счет скотоводства. Таким образом, в результате 10-летнего коммунистического хозяйничанья количество поголовья уменьшилось почти на 3 мил., а большая часть населения потеряла основу своего существования.

Взамен потерь, по плану новой реконструкции, коммунисты предполагают организовать несколько сот казенных коммунистических советских хозяйств с поголовьем в 45 тыс. коров и телят, 400 тыс. овец и т. д. Конечно, это будет достигаться путем новых реквизиций, путем узаконенного грабежа населения, введенного в систему советского управления. Какова ценность советских ферм на фоне общего разорения и колоссального падения животноводства, — предоставляем судить читателю.

Такова в общих чертах печальная действительность, сопровождающая коммунистические опыты и планы реконструкции в области животноводства Дагестана.

Перейдем ныне к рассмотрению землепользования, намеченного новым планом.

— „Считать необходимым довести площадь сенокосения в 1952 г. до 600 тыс. га.“ — „Считать необходимым в 1952 г. довести площадь сеянных трав до 96 тыс. га.“ — таковы основные положения этого плана. О развитии зерновых культур план почти не упоминает. Конечно, для этого имеются серьезные причины, кои мы в дальнейшем выясним.

Обращаясь к советским источникам, мы видим, что общая площадь земель Дагестана исчисляется в 5,4 мил. га. Из них удобных — 3,4 мил. га. Последняя площадь распределяется так: пастбищ — 2,586 тыс. га, сенокосов — 214 тыс. га, пашен — 44 тыс. га, леса и кустарника — 220 тыс. га. Таким образом, мы видим, что 74% всей удобной земли занято под пастбища. К этому нужно добавить, что 40% удобных земель Дагестана еще в царский период было реквизировано у населения и обращено в русский государственный земельный фонд, служа, главным образом, для колонизаторских целей правительства. С приходом большевиков положение это почти не изменилось, и указанные земли в большинстве населению не возвращены, продолжая оставаться в казенном пользовании и служа уже на этот

раз для организации различных совхозов и т. п. правительственных предприятий. Таким образом, количество земель, фактически находящихся в руках населения, далеко не отвечает приводимым выше данным.

Согласно советским источникам посевная площадь под зерновыми культурами в Дагестане в 1916 г. равнялась 204 тыс. га, а в 1923 г. при коммунистической власти площадь посевов понизилась до 96 тыс. га. В эти цифры не входит посевная площадь позднее присоединенных округов, из коих Хасаф-Юртский округ характеризуется довольно сильным развитием зерновых культур. Вместе с этими округами посевная площадь Дагестана в 1926 г. достигала 190,6 тыс. га, — т. е. площадь посевов была меньшей, чем в Дагестане пределов царского периода.

В дореволюционное время общая посевная площадь Дагестана нынешних пределов достигала 400 тыс. га, к настоящему же времени (1931 г.) она достигла только 70% до-революционной. Причины столь сильного разрушения земледелия в Дагестане и столь медленного его возрождения — разнообразны, но, вместе с этим, все они связаны с пребыванием и хозяйничанием в нем большевиков. Прежде всего, здесь имеет влияние сильное падение количества рабочих лошадей и скота, достигающее 50—60% в сравнении с данными перед приходом большевиков. Далее, согласно признанию самих-же большевиков, их работа стоила Дагестану 1 города и 90 селений, стертых совершенно с лица земли во время войны их с горцами, защищающими свою свободу. Затем, развитие зерновых культур в Дагестане вообще не интересует большевиков. Наоборот, недостаток зерновых продуктов питания, ставящий нерусское население этой окраины в зависимость от Москвы, умышленно поддерживается большевиками*). Кроме этого необходимо так-же принять во внимание, что большая часть т. н. культурных земель пришла во время борьбы с большевиками в полную негодность. Большинство пахотных полей в Дагестане создавались вековым упорным трудом многих поколений. Земля натаскивалась с равнин; создава-

*) Такая-же политика насильственной „сельско-хозяйственной специализации“ проводится и в отношении, например, Туркестана и Азербайджана, долженствующими стать „хлопковыми районами СССР.“ Здесь так-же различными мерами население принуждается к посевам хлопка, в ущерб посевам зерновых хлебов. Кроме задач наивозможно хищнической экономической эксплуатации покоренных окраин, политика эта, несомненно, преследует и цели военно-стратегические. Это станет ясным, если мы примем во внимание, что, прекращение подвоза хлеба в Туркестан в 1920 — 23 г. г. и возникший благодаря этому голод, сыграли значительную роль в деле облегчения Москве вторичного завоевания Туркестана. — Прим. ред.

лась сложная система орошения. Здесь в течении столетий буквально по метрам завоевывались скалистые горы и укреплялись пашни: строились террасы, закреплялись сыпучие скаты, воздвигались специальные стены заграждений от ливней, горных потоков, разлива рек и ветров. Разрушить многовековые народные усилия было легко, но воссоздать разрушенное, очень трудно, особенно тогда, если власть имущие не проявляют к этому особенной охоты.

Правда, за 10 лет хозяйничания большевиков, построен оросительный канал „Октября“, но он выстроен исключительно силами и средствами самого населения и обслуживает всего 15 селений. Коммунисты-же привели в разрушение систему каналов, обеспечивавших орошение посевов нескольких сот селений.

Ныне, в 1932 г., коммунисты свои успехи предполагают развернуть в области сенокосения, — благо здесь можно в качестве достижений оперировать сотнями тысяч гектаров. Но если внимательнее отнестись к заданию доведения площади сенокосов до 600 тыс. га., то нельзя не признать полную неосведомленность и безответственность составителей проекта реконструкции. Из приведенных цифр мы видим, что в Дагестане на долю пастбищ приходится 2.5 мил. га. Из этого числа около 70% приходится на горную полосу и высоко-горную часть Дагестана. Топографическое положение пастбищ и отсутствие к ним дорог не допускают возможности широкого использования сенокосения. Остальная часть пастбищ приходится преимущественно на Кизлярский и Ачикулакский округа, — характера степного и так-же с полным отсутствием благоустроенных дорог. И здесь сенокосение в таких широких масштабах, как замышляют большевики, — не осуществимо. Во-первых потому, что характер трав во многих местах почти не пригоден к машинному сенокосению, — во вторых, вся степь густо изрезана сыпучим песком. Говорить и здесь о сотнях тысяч гектаров сенокосов — не приходится. Несмотря на это, вся громадная площадь дагестанских пастбищ представляет по составу и качеству трав корм исключительно высокого качества.

Условия дагестанских пастбищ в полной мере благоприятствуют табунному скотоводству и не дадут и 10% прокорма для скотоводства при фермерских условиях, на который пытаются перейти большевики.

Итак, мы рассмотрели из нового плана большевиков две отрасли. Из них — скотоводство идет на убыль и задачей момента для большевистской власти является захват у населения

лучшей части скота для создания крупных государственных ферм. К этому же подгоняется и землепользование.

Даст ли этот проэкт в результате что-либо для истощенной казны СССР — трудно сказать, но что он ляжет новой тяжестью на бесконечно страдающих горцев и принесет новые репрессии, новые реквизиции и новое разорение — это несомненно. Новые тысячи сельских хозяйств будут окончательно разорены, ибо план реконструкции отнимает у них и те последние возможности развития, которыми они еще обладали.

Азамат.

Боевые действия в 1840—43 годах

Период войн разрозненных горских племен с русским колоссом, начавшийся еще в бытность на московском престоле Иоанна Грозного, с началом 19 столетия постепенно отходит в область преданий. Горцы начинают понимать свою ошибку и необходимость полного объединения. Провозглашение Имамата и распространение мюридизма ставят основу горской государственности. Мюридизм, олицетворяющий в себе и религию и национально-патриотические устремления, находит богатую почву в горской массе, ведя ее на жертвенность во имя блага и свободы Родины. Мюрид — это крестоносец у средне-вековых христиан, с той только разницей, что мюрид ставит идеалом отечество и религию, являясь защитником и того и другого, а крестоносец, мало привязанный к государственности, считал себя только защитником религии. Жертвенность этого своеобразного религиозно-патриотичного ордена была безгранична и потому-то мы, горцы, так гордимся, когда говорим о регулярной армии нашей времен Имаматов, ибо таковая состояла исключительно из рыцарей-мюридов.

Итак, с началом 19 столетия, когда на востоке Кавказского перешейка был провозглашен Имамат, началось постепенное объединение горцев. Период этот совпал с усилением активности русских войск, охвативших к этому времени горцев сплошным кольцом укреплений и крепостей, расположенных, как по побережью обоих морей (Черного и Каспийского), так и с севера и юга (со стороны Азербайджана и Грузии). Это обстоятельство поспешило объединение. Необходимость объединения начинает осознавать не только демократический Восток (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Осетия), но и феодально-аристократический Запад (Кабарда, Карачай, Абадзехия, Шапсугия, Убыхия и Аб-

хазия), признавший так-же авторитет Великого Шамиля в лице его наместника Магомет-Эмина. Момент этот противник наш описывает в следующих словах: „Воинственные черкесские племена соединились между собой, прекратили прежнюю вражду свою с племенами, против правого фланга кавкаской линии, даже вошли с ними в дружеские сношения, и, готовясь противопоставить всевозможное сопротивление усилиям нашим утвердиться на Черноморском берегу, в то-же время угрожали вторжениями своими Черномории и Кубанской линии. Они единогласно положили умереть за свою свободу“. (Кавк. сборн. том. II, 1877 г.). Событиям этим предшествовало установление сношений с Англией, не говоря уже о непосредственной соседке горцев—Турции. В 1834 г. от имени английской королевы Виктории прибыл в Сухум-Кале первый секретарь английского посольства в Константинополе мистер Уркварт, после чего была снаряжена горская миссия в Лондон. Это обстоятельство еще более подняло дух горцев. Борьба возгорелась с новой силой, достигнув к 40 годам кульминационного пункта.

Года 1840—1843 отличались особенной активностью горских вооруженных сил, характеризуясь одновременно единством действий и строгой плановостью нашего командования, начиная от Абхазии и кончая Южным Дагестаном. В этот период противнику наносятся один за другим настолько серьезные удары, что наша молодая армия, зачастую, выхватывает у него инициативу, сводя на нет все достижения неприятеля за предшествовавший период и внося полную дезорганизацию и хаос в его планы.

Прежде чем приступить к описанию наиболее выпуклых мест борьбы этого периода, так блестяще организованной нашим командованием и проводимой в Чечне и Дагестане под непосредственным руководством Имама Шамиля, а в Адыгее и Абхазии под руководством его наместника Магомет-Эмина, я должен привести одну подробность, еще более подчеркивающую выдержку и стойкость наших войск и искусство нашего командования, сумевших, несмотря на незначительную численность и отсутствие материальных средств, все-же, добиться положительных результатов. Дело в том, что ко 2-ой половине 1840 г. к действующей против горцев русской армии, насчитывающей более 100 тыс. регулярных войск (не считая казаков и милиции), прибыли части V, т. н. Литовского корпуса, из коих 15-ая дивизия была направлена в Адыгею, а 10 и 13 дивизии в Дагестан и Чечню. Это еще более увеличило несоответствие сил в пользу русских, одновременно показывая, как трудно приходилось им

в борьбе против „диких горских скопищ“, почти всегда не достигавших численности своего противника.

Свое описание начну с описания военных действий на Западе—в Адыгее и Абхазии. По начертанному Магомет-Эмином плану горские силы должны были здесь прежде всего разрушить укрепленную Черноморскую линию, а так-же прервать сообщение южно-кавказской группы русских войск с войсками Прикубанья. Для этой цели назначаются:

1. Хаджи-Берзек с 275 чел. регул. пехоты и около 800 чел. убыхского ополчения, с задачей занять укрепления Лазаревское (Пезуапсе) и Навагинское (Сочи).

2. Хаджи-Кирандук с 300 чел. регул. пехоты и 1000 чел. шапсугского ополчения, с задачей занять укрепление Вельяминовское (Туапсе).

3. Кара-Мурза с 1000 чел. абадзехского ополчения произвести демонстрацию, проникнув за Лабу, и действуя на тракте Екатеринодар—Владикавказ (Терк-Кала).

4. Сам Магомет-Эмин с 900 чел. регул. пехоты, 300 чел. регул. конницы и 800 чел. абадзехского ополчения, при 2-х горных орудиях, должен занять укрепления Михайловское (Вулан) и Николаевское (Атакуаф), с тем, что находящееся при нем абадзехское ополчение составляет общий резерв.

Во исполнение этого плана 17 февраля 1840 г. двукратным штурмом было взято укрепление Лазаревское. В руки победителя попали 5 орудия, большие склады огнестрельных и продовольственных припасов, а так-же 217 чел. пленных. Наши потери в этой операции 329 чел. убитыми и ранеными.

29 февраля после лихого, так-же двукратного, штурма перешло в наши руки укрепление Вельяминовское. Шапсугское ополчение соперничало тут в смелости с регулярными войсками. Добычею были 5 орудий, боевые и продовольственные запасы и снова 284 чел. пленными. Наши потери 376 чел. убитыми и ранеными.

25 марта пало укрепление Михайловское, причем большинство гарнизона было уничтожено взорвавшимся пороховым погребом. Добычею были 115 чел. пленных и 3 уцелевших орудия. Мы потеряли в этой операции убитыми и ранеными 407 человек.

2 апреля штурмом взято укрепление Николаевское. Добычею победителя были 4 орудия, 429 чел. пленными и большие запасы пороха, свинца и гранат. Наши потери 146 чел. убитыми и ранеными.

В ночь с 27 на 28 июля соединенный убыхо-абхазский отряд в 550 чел. при 2-х горных орудиях под командою Эшау Маршани штурмом занял укрепление Навагинское, но удержаться в нем не смог, так как подвергался убийственному огню тяжелых орудий русской Черноморской эскадры (записки Магомет-Эмина, Кавк. сб. том II, 1877 г. и том III, 1879 г.).

Все занятые укрепления были по приказанию Магомет-Эмина разрушены и покинуты, ибо огонь Черноморской эскадры не давал возможность держать в них гарнизоны. А затем, это и не входило в планы горского командования, для которого важно было только очистить побережье от присутствия русских войск и этим устранить угрозу своему левому флангу.

Эта цель в конечном результате была достигнута, ибо занятие упомянутых выше укреплений, в особенности укрепления Михайловского, отрезало оставшиеся еще русские черноморские гарнизоны от главных сил, и неприятельское командование предпочло само их вывести на суда Черноморского флота, очистив, таким образом, занятое перед тем с большим трудом побережье. В большинстве случаев против этих укреплений оперировали наши ополченские части или же просто партизаны.

Кроме морального под'ема, успех нашего оружия принес нам и значительную материальную добычу: 15 орудий, большое количество огнестрельных припасов, продовольствия, не считая значительного количества пленных. При вечном недостатке боевых припасов и почти полном отсутствии до того (на весь западный фронт мы располагали только 2 орудиями) артиллерии, — эта добыча была весьма полезной.

Успех горцев весьма обеспокоил русское командование, ибо, как мы увидим далее, удар был нанесен одновременно, как на Западе, так и на Востоке. На Кавказ спешно были вызваны подкрепления в виде V корпуса, расположенного перед этим в Польше и Литве. Таким образом, силы русских на правом их фланге, действовавшие против Магомет-Эмина, достигли 37 бат., 5 пеших полков черноморских казаков, 3 конных полков линейных казаков, 4 рот сапер, 33 кон. и пеших сотен милиции, при 62 орудиях. Со стороны Черного моря эти силы поддерживались Черноморской эскадрой, блокирующей побережье, а на юге им помогали отряды, расположенные в Мингрелии и Самурзакани — южной части Абхазии. Против этой массы Магомет-Эмин, как верховный вождь на нашем левом фланге, мог выставить только 2150 пеших бойцов и 1650 конных, при 15 орудиях. Таков был состав горских регулярных частей в Адыгее

и Абхазии к этому времени. Количество постоянного ополчения, находящегося в распоряжении Магомет-Эмина, доходило до 4500 чел. При боевых действиях горцам иногда помогали и неорганизованные партизаны, но состав их был всегда незначителен и они рекрутовались из жителей непосредственно угрожаемых поселений. Приводимые нами данные взяты из Кавк. сб. том II, 1877 г. и Кавк. сб. том III, 1879 г., а так-же записок Магомет-Эмина*).

Сопоставляя эти данные, мы видим разительное несоответствие между силами противников, в корне опровергающее легенды о „несметных скопищах мятежных горцев“, которые распространялись официальными русскими реляциями.**)

Недостаток соответствующего материала, а также и времени, лишает меня возможности рассмотреть более подробно боевые действия, последовавшие после очищения неприятелем Черноморского побережья. Я только скажу, что горские войска с честью сопротивлялись превосходящим во много раз силам противника, неоднократно нанося ему чувствительные поражения и сохранив за собой в течении нескольких лет достигнутые успехи. В период с 1840 г. по 1843 г. Магомет-Эмин показал свой недюжинный военный талант, изгнав русских не только с побережья Черного моря, но и отбросив их за Кубань и пресекая их каждую новую попытку проникнуть глубже в горские пределы. Для иллюстрации-же того, что из себя представляли „победоносные полки“ русской экспедиционной армии на Кавказе, живым языком официальных реляций вознесенной на не-

*) В частности, силы противников распределялись следующим образом: русский правый фланг — отряд генерала Анрепа в 13 бат., 2 пол. черном. каз., 30 сотен кон. и пеш. милиции и 16 оруд.; особый отряд в составе 12 бат., 1 пеш. полка черн. каз., роты свепер и 18 оруд.; анапский отряд контр-адмирала Сербрякова в составе 6 бат., 2 пеш. полков черн. каз., 1 кон. пол. черн. каз. и 18 оруд. На левом русском фланге действовал отряд ген. Засса в 6 бат., 2 пол. лин. каз., 300 чел. милиции и 10 оруд. Силы горцев представлялись в следующем виде: на нашем левом фланге — абхасский отряд под командой Эшау Маршани в составе 400 чел. регул. пехоты и 250 чел. регул. кав., 3 оруд., 350 чел. самурзаканского ополчения Цан-ба и 275 чел. цебельдинского ополчения Арто; убухский отряд Хаджи-Берзека в составе 500 чел. регул. пехоты, 200 чел. регул. кавал., 4 оруд., 850 чел. шапсуго-убух. ополчения Хаджи-Кирандука. На правом фланге, против ген. Засса, действовал отряд Кара-Мурзы в составе 250 чел. регул. пехоты, 1000 чел. абадзехского ополчения и 2 оруд. В центре с главной квартирой находился сам Магомет-Эмин, расположившийся у р. Ак-су (Белой) с отрядом в 1000 чел. регул. пехоты, 1200 регул. кав., 6 оруд. и 2000 чел. абадзехского ополчения. (Кавк. сб. и записки Магомет-Эмина).

***) Способ писания этих реляций неоднократно осмеивался мистическими авторами, между прочим, и Л. Толстым.

бывалую высоту, а так-же для характеристики самых операций, я приведу, как пример, один из эпизодов кампании 1840—43 гг.: действия русского отряда ген. Анрепа против наших частей Хаджи-Берзека.

Отряд ген. Анрепа, состоящий из 9 бат. регул. пехоты, 2 пеших черноморских полков, 30 сотен конной и пешей милиции и 16 орудий, высадился около укрепления Адлер с тем, чтобы восстановить утерянное русскими положение и возобновить береговую укрепленную линию, „примерно наказав“ одновременно убыхов. Против названного отряда Магомет-Эмин выделил убыхский отряд Хаджи-Берзека в составе 500 чел. пехоты и 200 чел. конницы регулярного войска при 4 орудиях, а так-же 850 чел. шансуго-убыхского ополчения Хаджи-Кирандука. Общее начальство над этими силами имел Хаджи-Берзек.

26 августа (1840 г.) к отряду ген. Анрепа присоединились 4 бат. 13 пех. дивизии (V корпуса), прибывшие из Крыма. По свидетельству участника в русских батальонах под ружьем имелось „никак не менее 700 чел. в батальонах**). Приготовления для активных действий тянулись в отряде до 8 октября. 8 октября, при деятельной поддержке своей эскадры, противник двинулся в путь, направляясь в глубь земли убыхов. Движение отряда описывается противником следующим образом: „8 октября в 2 часа ночи отряд двинулся. Корабль „Три иерарха“, фрегат „Тенедос“, буксируемые пароходами „Могучим“ и „Бойцем“, лодки азовских казаков, вооруженные коронадами большого калибра, баркасы с корабля и фрегата, так сказать, составляли левую цепь и следовали по движению отряда“. Тот-же источник характеризует моральное состояние отряда следующим образом: „Время было за полдень. Вдруг в авангарде заметили вправо на высоте двух горцев, сделали по ним выстрелы; по распространившимся в отряде слухам, что убыхи в значительном сборе поджидают нас у границ своей земли, блеснула мысль, что ближайшие высоты по всему протяжению отряда заняты убыхами, и войска в голове колонны открыли батальный огонь по высотам. Регулярные войска, подозревая милиционеров во всегдашней готовности к измене, так сказать, были подготовлены к панике, и потому, при открытии огня в авангарде, все войска в колонне последовали тому-же примеру; тоже самое повторилось в арьергарде. В течении этого перехода, фальшивые тревоги в колонне повторялись четыре раза и даже

*) Кав. сб. том III, 1879. Дальнейшие выдержки так-же нами будут братья из этого источника.

тогда, когда, после тревоги в арьергарде, правая цепь шла уже по высотам*.

Незначительность сил Хаджи-Берзека не позволяла ему произвести открытое нападение на укрепленный лагерь противника. Но, когда русский отряд двинулся в Убыхию, Хаджи-Берзек решил не допустить противника в глубь страны. Ряд наспех построенных завалов должен был преградить путь неприятелю и заставить его отказаться от своего намерения. Борьбу за обладание этими завалами враг рисует в следующих словах: „По приближению авангарда к завалу, морская артиллерия открывала по нем огонь ядрами и гранатами; между тем, горшки, как только открывался огонь с кораблей, оставляли завалы, сбегали в ближайшие овраги и выжидали только крика ура; с этим криком открывали огонь по штурмующим и, затем, бросались в шашки*.

Первый завал был взят неприятелем. Факт этот, с одной стороны, объясняется незначительностью оборонявшего его гарнизона (150 чел. регул. пехоты), а, с другой стороны, ураганным огнем артиллерии кораблей и отряда, а также значительным превосходством сил противника, введшего в дело до 6-ти батальонов.

Но, зато, следующий завал не только остановил движение противника, но и заставил его отказаться от дальнейшего продвижения в глубь страны и от мысли „примерно наказать убыхов“. Завал этот занимался главными силами Хаджи-Берзека. Он оборонялся 350 чел. регул. пехоты и 200 чел. конницы при 3-х орудиях. Резерв составляли 300 чел. убыхского ополчения. Неприятельский авангард в составе 10 сотен милиции и батальона пехоты, пытавшийся взять штурмом завал, был взят в шашки и с огромными потерями в панике отступил. Остатки его произвели страшный переполох в главных силах противника. Неприятель, всегда изображающий свои неудачи в сильно преуменьшенном виде, в следующих словах изображает этот эпизод: „4-ый батальон, вместе с абхасской милицией в авангарде, занял гору, на время остановки отряда, по случаю встреченного по дороге, прямо против авангарда, большого завала. Убыхи открыли первоначально перестрелку с абхазцами, которые шли впереди батальона: абхазцы отступили. Как только подали сигнал отступления, убыхи бросились на батальон; завязался рукопашный бой. Батальон отступил с значительною потерей, оставив на месте своих убитых и раненых, в том числе поручика Эшопара и отданного в солдаты из профессоров — Ордынского“. Паника в рядах неприятеля поднялась невообразимая.

„Вьючные лошади, котлы, козлы ружей, солдатские торбочки — все это было перемешано, как будто, эти войска, после сильного поражения, столпились в кустарнике и ищут случая скрытно уйти от неприятеля“.

В наступившую ночь Хаджи-Берзек произвел еще два нападения, уже прямо на главный лагерь. В результате, как уже отмечено, ген. Анреп отказался от дальнейшего продвижения и решил пробраться до Сочи, держась все время прибрежной полосы.

Хаджи-Берзек, оставаясь с главными силами в первоначальном положении и продолжая прикрывать путь в глубь Убыхии, поручает Хаджи-Кирандуку во главе 500 чел. убыхского ополчения при 1 орудии оказывать сопротивление на пути возможного следования неприятеля берегом моря. К полудню 9 октября Хаджи-Кирандук расположился за завалом от стороны Сочи, открыв огонь из орудия по показавшемуся авангарду в его направлении. Сильный переполох, поднявшийся в рядах неприятеля, был прекращен огнем корабля и фрегата по завалу. Неприятель вводит несколько баталионов и пешую милицию в дело, пробуя несколько раз безуспешно атаковать завал. Перед рассветом 10 октября Хаджи-Кирандук назначает 200 чел. для налета на главный лагерь, однако, ввиду превосходства сил противника и сильных укреплений лагеря, налет не удается. Хаджи-Кирандук вынуждается даже двинуть все свои силы, дабы дать отойти нападающим без особенно сильных потерь. Таким образом, задерживая противника на каждом шагу, Хаджи-Кирандук отходит в сторону Сочи и только у самого укрепления Навагинского очищает путь и соединяется с отрядом регулярной конницы нашей (200 чел.), действовавшим на правом фланге. Затем, переходит в тыл противника, преграждая ему обратный путь на Адлер. Три дня операций стоили нам 127 чел. убитыми между которыми были 4 сына Хаджи-Берзека. Число раненных доходило до 168 чел. У неприятеля же — „оказалось убывшими из строя во время похода 8, 9 и 10 октября от Адлера до Сочи штаб и обер-офицеров—37, нижних чинов — 634“.

С прибытием в Сочи, неприятель привел в оборонительное состояние разрушенное укрепление Навагинское, и стал готовиться к новому походу в Убыхию. Однако, все его попытки кончались неудачей и далее 5 верст в глубь края он не смог продвинуться. Так стоял тут, вернее был прикован искусными действиями Хаджи-Берзека, ген. Анреп до 1 ноября, после чего, отказавшись от дальнейших операций, решил по добру по здорову покинуть негостеприимный убыхский берег. Ретирада эта

была произведена не совсем обыкновенным путем. Представ-
ляем описать это опять самому неприятелю: „Второе ноября
еще более убедило неприятеля в нашей нерешительности и даже
в упадке духа в войсках. К вечеру с 1 на 2 число ноября при-
казано усилить цепь; если будут выстрелы в лагере, — отряду
не делать тревоги, пешей дружине в этот вечер приказано петь
песни. Поутру открылась тайна: вся кавалерия, вьючные лошади
и часть артиллерийских, под командою ген. Муравьева, оставили
отряд, и, как тать, тою-же дорогою, которою мы шли, пробра-
лись в Адлер; вечером-же, неожиданные пушечные выстрелы
в лагере, были сигналами для сказанной ретирады. Ночью, с 7
на 8 число, мы зажгли засеки, сняли лагерь, отступили к берегу
и началась амбаркация отряда; поутру кончили нагрузку, и все
было на судах; в 8 часов снялись с якоря — и тем кончили зна-
менитую экспедицию в землю убухов. Солдаты насмешливо на-
зывали эту экспедицию — нашествием двадцати языков на зем-
лю убухов“.

Так бесславно для русских закончилась одна из типичных
операций периода 1840—43 г.г., характеризующая военные дей-
ствия этого времени на Западе.

(Окончание следует)

Полковник Хурт.

Фальсификаторы истории

Как-то, еще в 1950 г., Сталин выслал в редакцию журнала
„Пролетарская революция“ письмо, в котором дал основатель-
ны нагоняй редакции за неосмотрительное помещение „антипар-
тийной и полутроцкистской“ статьи некоего Слуцкого. В этой
статье Слуцкий, говоря об отношении большевиков к герман-
ской социал-демократии „в период ее предвоенного кризиса“,
отметил, что Ленин недооценивал опасности центризма в герман-
ской и вообще предвоенной социал-демократии и с этой опасно-
стью недостаточно боролся. В таком утверждении Сталин усмо-
трел посягательство на непогрешимость Ленина и, в результа-
те, выслал упомянутое выше письмо, подвергнув в нем разгро-
му не только неосторожную редакцию и „оппортуниста“ Слуц-
кого, но и, вообще, „литераторов“ и „историков“, пытающихся
протасовать в коммунистическую литературу „замаскированный
троцкистский хлам“ и т. п. „контрабанду“. Конечно, не оставляет
сомнений, что все виновные в этой истории понесли соответ-
ствующие наказания не только по линии партийной, но, быть

может, и по линии ГПУ.^{*)} Казалось, что дело должно было на этом закончиться, тем более что Сталин, хотя и допускал в своем письме некоторые обобщения, все-же, в основном касался частного случая: явного оппортунизма Слуцкого и злостной неосмотрительности редакции журнала „Пролетарская революция“.

Но в последнее время письмо Сталина опять получило широкое распространение, став предметом тщательного изучения для услужливых подхалимов и исходным пунктом для нового движения, охватившего, в порядке очередной „кампании“, рабски покорную партийную чернь. Эта чернь, составляющая основную массу и цвет т. н. советской общественности, услужливо подхватив очередную директиву центра, извлекла из партийных архивов письмо своего вождя, и, взяв это письмо за образец коммунистической правоверности, приступила к „переоценке ценностей“: к пересмотру всего того печатного хлама, который преподносился народным массам СССР в последние 15 лет различными коммунистическими „историками“ и „литераторами“. Началась, так сказать, коллективная цензура советской литературы, проводимая особенно рьяными блюдолизами, пытающимися в порыве холопского усердия искоренить последние остатки безпристрастия и здравого смысла, сохранившиеся еще в этой литературе.

Дошла эта кампания и до наших областей, остановившись здесь, главным образом, на „фронте истории горских народов“, как образно выражаются ее проводники в горских землях. У нас так-же приступили к „разоблачениям“, и декабрьские и январьские номера коммунистических газет, издаваемых в горских областях, стали покрываться аншлагами вроде следующих: „Беспощадно срывать маски с фальсификаторов истории горских народов“, „За ленинскую чистоту истории революционного движения горских народов“ и т.д., и т.д. Вместе с этим, во всех горских городах происходят многочисленные собрания, на которых т. н. советская общественность, начиная от чистильщиков улиц и кончая „научными работниками“, высказывает свое „компетентное“ мнение и осуждает незадачливых горско-советских историков. При этом необходимо отметить одно знаменательное обстоятельство: почти во всех случаях обвинителями выступают представители того наносного элемента, основной задачей которого является надзор за правоверностью своих младших товарищей — коммунистов-националов; эти-же последние являются преимущественными жертвами

^{*)} По последним сведениям, названный Слуцкий, окончательно затравленный Сталиным и его приспешниками, покончил самоубийством в Москве в т. феврале.

кампании. Например, на собрании партактива гор. Терк-Кала (Ордженикидзе) „с развернутой критикой выступали“ — т. т. Венский, Розенблит, Никонов, Четвериков, Демидовский, Ржевский, Робинсон и т. д., „разоблачавшие“ — т. т. Гатуева, Ашаева, Эшба, Хаир-Хайера, Алборова и т. д. В Дагестане жертвами „большевистской бдительности“ стали Тахо-Годи и Нажмуддин Самурский.

Интересно, в чем же обвиняют всех этих лиц? Оказывается, что, например, Гатуев и Ашаев, изображая историю горцев и революционное движение среди них, отрицают у горцев присутствие классов и классовой борьбы; Эшба, исключенный 15 съездом партии за троцкизм, описывая историю революции в Чечне, игнорирует роль компартии, говоря, что не партия, а покойный Асланбек Шерипов руководил чеченскими массами. Приблизительно то же самое в отношении ингушей утверждает Хаир-Хайер, доказывающий, что ингушские массы в первые годы революции шли за своей интеллигенцией, а не за „владикавказским пролетариатом“. Роль классов и классовой борьбы, а также значение работы компартии и красной армии „совершенно не выявляет в своих трудах“ и Тахо-Годи. Еще дальше пошел Алборов, открыто заявивший, что „партия запугивает научных работников, что научно-исследовательская работа идет вспять“.

И вот, нам кажется, что у нас смысл всей кампании лежит в этом последнем утверждении. „Партия запугивает научных работников“, ибо эти работники, несмотря на весь свой оппортунизм в отношении к советской власти, приведший многих из них в ряды коммунистической партии, все же, не решаются стать окончательно безгласным и покорным орудием в руках московской империалистической пропаганды.

Доктрины коммунизма, преобразившиеся в процессе нахождения у власти их глашатаев в щит, сохраняющий старое национальное неравенство бывшей империи и прикрывающий великодержавную сущность сегодняшнего режима, — не находят в историческом прошлом горцев никакого обоснования. В этих условиях теряется вся сила их убедительности, ибо они чужды духу народных масс, воспитываемых на вековых традициях иного порядка и переживавших исторические и общественные процессы, отличные от аналогичных процессов народа русского и народов западной культуры.

Поэтому-то ударной задачей большевизма у нас является психологическая обработка народных масс, и, прежде всего, отрыв их от духовной общности с прошлым и подготовка их, таким образом, к возможно полному восприятию реализуемого

коммунистического настоящего. Отсюда — сосредоточение главного внимания (в проводимой кампании) на „фронт истории горских народов“*) и, под видом „разоблачительной“ „дефальсификации“, различных авторов, изъятие из этой истории последних упоминаний о том, что так выгодно выделяло нас из массы многих иных более многочисленных народов: превалирования духа над материей, подчинения низменных человеческих инстинктов требованиям нашей горской морали. Все то, что кровно связано с нашим прошлым, все то, что исходило из внутреннего содержания нашего народа, — все это относится ныне к „буржуазному хламу“, ибо не отвечает „классовому подходу к истории“ и носит в себе определенный отпечаток беспощадно преследуемого „местного национализма“.

Классовый подход к истории — подход материалистический, ставящий в основу всех явлений факторы экономического порядка и борьбу классов; последний принцип является краеугольным камнем всей системы большевизма и длительность существования этой системы обуславливается степенью осознания народными массами всеобъемлемости и неоспоримости упомянутого принципа. Если массы недостаточно осознали эту сущность большевизма, они ненадежны. В этом случае они всегда могут выявить атавистические склонности и тогда большевикам не сдобровать. Поэтому необходимо насиловать психику масс, обрабатывая ее в соответствующем направлении. Поэтому же необходимо утверждать, например, что Имам Шамиль, был выразителем классовых чаяний „горских трудящихся“ и боролся с „тидрой контрреволюции“ в лице царизма, или же, что Абд-Эль-Крим был руководителем рифского пролетариата, боровшимся за чистоту марксизма-ленинизма, и т. п., и т. п. Тот же, кто не потерял еще в ужасных условиях большевицкого террора последних остатков здравого смысла и, пожалуй, совести, и пишет, что у горцев, не везде еще вышедших из состояния патриархального быта, классового расслоения нет, а вместо этого существуют своя особая культура и мораль, или, что Имам Шамиль был национальным героем, а не представителем какого-либо определенного класса, и мюридизм ничего общего не имеет с коммунизмом и классовой борьбой, или же, наконец, что в первые годы революции движение среди горцев носило явно антирусский и националистический характер, — тот „троцкист“, „соглашатель“ и „замаскированный враг пролетариата“.

*) Хотя в иных местностях умудряются тезисы письма Сталина подгонять даже под деятельность работников транспорта и т. п.

Почему? А потому, что такой „фальсификатор истории“, волей или неволей — сознавая или не сознавая то, что он делает, подрывает позиции красного империализма, раскрывая между строк его сущность и истинные цели его стремлений. Вместе с этим, путем печатного слова, в народе поддерживается связь с прошлым, далеко не благоприятствующим, как мы уже заметили, в своей сути восприятию идеологии большевизма.

Из этого, вероятно, исходят большевики, и так оно есть в действительности.

Эти наши утверждения особенно ярко подтверждаются коллективной статьей неких Кайдарова А. и Заводского И.*), помещенной в „Дагест. Правде“ от 22 января т. г. Авторы статьи разбирают книгу очередного „фальсификатора“, которым на этот раз является представитель главенствующего народа, А. Скачко, „последовавший по стопам Тахо-Годи и Самурского“ и в изданной им книге „Дагестан“**) поместивший ряд чрезвычайно метких и верных заключений об истории появления и сущности большевизма в Дагестане. Кайдаров и Заводской приводят некоторые из этих заключений, и, снабжая их соответствующими комментариями, „срывают маску“ с „троцкистского контрабандиста — А. Скачко“. Как заключения А. Скачко, так и комментарии Кайдарова и Заводского являются чрезвычайно показательными, и, как мы уже заметили, всецело подтверждают нашу основную мысль: „фальсификаторы истории“ стали „фальсификаторами“ только потому, что раскрывают империалистическую сущность большевизма и этим препятствуют большевикам в психологической обработке масс и маскировке своего империализма. Поэтому, как заключения автора книги „Дагестан“, так и комментарии его критиков, приведем возможно полнее, дабы читатель воочию убедился в справедливости нашего утверждения.

— „В Дагестане, — заявляет А. Скачко — ни пролетариата, ни большевиков во время и в первые месяцы после февральской революции не существовало***). Центральный пункт Дагестана — Темир-Хан-Шура, „тихий и сонный город чиновников, мелких торговцев и отставного офицерства“, мало ощущал потрясение государ-

*) Названные лица в ряде статей перед этим подвергли „разгрому“ Нажмутдина Самурского за его книги — „Дагестан“, „Гражданская война в Дагестане“ и т. д.

**) А. Скачко, „Дагестан“ изд. „Власть Советов“, Москва, 1931 г.

***) Курсив наш. Это утверждение в равной мере верно и для остальных горских областей.

ственного хозяйства, вызванного империалистической войной и не чувствовал близости катастрофы. Поэтому февральская революция свалилась на него, как снег на голову*.

Эту выдержку Кайдаров и Заводской рассматривают так:

— „Разве из приведенной цитаты автора не вытекает тот вывод, что Дагестан и его центр Темир-Хан-Шура в годы империалистической войны жили своей замкнутой жизнью и, не будь внешних обстоятельств, Дагестан пошел бы по иному только ему свойственному пути развития“. (Курсив наш).

Этот вывод подкрепляется дальнейшими рассуждениями А. Скачко, которым так-же нельзя отказать ни в меткости, ни в беспристрастии, но которые вызывают еще большее негодование Кайдарова и Заводского.

— „Неизвестно, — пишет Скачко — чтобы получилось из этого положения, если-бы Дагестан был предоставлен самому себе. Вероятнее всего, что, используя горское крестьянство, победила бы контрреволюция. (Т. е. верх взяли-бы национальные силы горцев—Б.Б.). Дагестан находился не на изолированной планете, а в России, кипевшей в огне октябрьской революции, да кроме того еще на стратегических путях к бакинским нефтяным богатствам, к которым тянулись лапы всех империалистических хищников, тогда еще вгрызшихся друг другу в горло в последних судорогах мировой войны. В силу этих обстоятельств вмешательство посторонних лиц было неизбежно и оно не заставило себя долго ждать*.

К числу этих посторонних сил Скачко относит и пролетариат и большевиков.

— „И пролетариат и большевики и совет рабочих и солдатских депутатов — пишет он — имелись в Петровске, но Петровск не был Дагестаном, это был кусочек России — русский город, прикрепленный с боку Дагестана и не имеющий с ним никакой связи, кроме географической. Русский пролетариат и русские революционные работники путей к дагестанскому крестьянству в то время еще не имели*.

И далее, еще более определенно:

— „...на ход революции в Дагестане оказали большое влияние еще и посторонние внешние силы: русский большевизм, денкинищина, Антанта, Турция и закавказские государственные объединения—Грузия и Азербайджан*.

Это сопоставление русского большевизма с Антантой, денкинищиной и др. чрезвычайно не понравилось Кайдарову и Заводскому. и они ответили на него особенно характерной репли-

кой, своей наивной конструкцией скорее дополняющей, чем опровергающей выводы Скачко. Поэтому приводим ее целиком:

— „Большевизм — продукт русской действительности, утверждает Скачко, посторонняя внешняя сила. Помимо совершенно недопустимой постановки на одну доску „большевизма, деникинщины и т. д.“ Скачко взял на себя роль ревизиониста самой сущности большевизма. Получается, что большевизм не есть явление интернациональное, а носит характер национально-русский. Для не русских народностей большевизм, по Скачко, — постороннее явление. Эта клевета взята из троцкистского арсенала наших злейших врагов — меньшевиков и такая классово-враждебная концепция протаскивается в изданиях „Власть Советов“ при президиуме ВЦИК не два года тому назад, а в конце 1931 года с целью „помогать осветить ленинскую национальную политику партии“. Разве это не головотяпство, граничащее с предательством интересов большевизма“.

Дальнейшие выдержки из книги А. Скачко и реплики ее критиков аналогичны уже приведенным; поэтому мы ограничимся приведением еще выдержек, рисующих роль т. н. социалистической группы в Дагестане, состоящей из горских социалистов, впоследствии в большинстве примкнувших к большевикам.*) Говоря о деятельности этой группы, А. Скачко в следующих словах характеризует „крестьянский съезд“, созванный этой группой в августе 1917 г.:

— „Это был, наверное, единственный после февральской революции крестьянский съезд, в котором аграрный вопрос решался не на основе соотношения классовых сил и программ политических партий, а на основе различных толкований священного писания“.

Сущность самой „социалистической группы“ Скачко описывает так:

— „Только отсутствием промышленности и пролетариата, натуральным хозяйством и вытекающей из этого нерасслоенностью дагестанского крестьянства, могло объясняться существование такой недифференцированной группы. Возможность совместной работы для социалистов различных ориентаций создавалась только тем, что всей группе в целом приходилось бороться не против каких либо современных политических партий

*) В число этой „группы“ входили так-же и Тахо-Годи и Самурский, зачисленные сейчас в разряд особенно злобных „фальсификаторов истории“ и „оппортунистов“.

(к которым у каждого члена группы могло быть различное отношение), но, главным образом, против религиозного дурмана и его распространителей — различных имамов и шейхов, за которыми слепо шла темная фанатичная масса горского крестьянства, делавшаяся орудием чуждых ей классовых интересов*.

В результате — Ан. Скачко совершенно не способен через призму внешней формы видеть действительную расстановку классовых сил*.

А посему — „книга Ан. Скачко о Дагестане должна разделить судьбу книг Тахо-Годи и Самурского.“**)

Так заканчивают свою статью правоверные большевизицкие критики — А. Кайдаров и И. Заводской.

Мы отметили уже, для чего мы столь подробно остановились на этой статье. Книга Ан. Скачко является типичной (несмотря на его принадлежность к главенствующей нации) большевизицкой книгой о горцах, в которой, несмотря на ее тенденциозность, сохранена известная историческая правдивость. Вместе с этим, усилия „товарищей“ Кайдарова и Заводского являются также типичными усилиями, при помощи которых делается попытка дисквалифицировать эту историческую правдивость и этим исправить допущенную оплошность. И Кайдаров и Заводской, несомненно, руководствуются указаниями центра, который только теперь начинает осознавать, что не все в большевизицких писаниях в порядке. Самурские и Тахо-Годи протаскивают, все же, в этих писаниях „контрабанду“, но эта „контрабанда“ не является „троцкистско-меньшевистской“, а носит характер националистический, вытекающий из органической сущности психологии Самурских, не успевших еще окончательно стать русскими и большевиками. Скачко-же и ему подобные бессознательно следуют за названными „историками из националов“,***) подрубая, таким образом, сук, на котором так выгодно и беззастенчиво расселись они сами на „окраинах“.

Когда-то „историки“, вроде П. Ковалевского, Илловайского и др., хищничество русского царизма оправдывали „священной миссией русского народа“ и „некультурностью“ и „дикостью“ его жертв. Сейчас аналогичную роль взяли на себя, во главе

*) Книжки названных авторов изъяты из обращения в январе т. г., хотя до того они распространялись в течении нескольких лет. (Книга Самурского — „Дагестан“, например, издана в 1925 г.).

**) В предисловии к своей книге Ан. Скачко указывает, что он будет исходить из „ранее опубликованных“ работ Тахо-Годи и Самурского, „доверяя им постольку, поскольку они до сих пор не были опровергнуты критикой, не вдаваясь в их критическую оценку“.

со Сталиным, Кайдаровы и Заводские, оправдывающие то-же самое хищничество, но уже в новом издании, задачами классово-борьбы и пролетарской революции.

Наглость этих фальсификаторов, фальсификаторов уже не поддельных и стопроцентных — безгранична. Безгранична была и наивность наших Самурских и Тахо-Годи, уверовавших в добрую волю этих акул и покорно до сих пор исполняющих их волю. За эту наивность они сейчас по заслугам платятся.

Барсеби Байтуган.

Коммунисты - националы*)

(Картины с натуры)

„Прежде чем осудить — позовем и расспросим, как они дошли до жизни такой“.

(Из Некрасова.)

Шли они разными путями. Одни верили в манящие обещания большевиков, иные хотели лбом прошибить большевистскую стену, и, наконец, третьих манили портфели, деньги, почет и автомобили. Так летели они на огонек коммунизма, пока не обжигали крылья.

Галерея этих вольных и невольных героев нашего безвременья поучительна и ей следовало-бы уделить несколько страниц свободной национальной печати за-рубежом. Тем более что много их всюду — и на Кавказе, Туркестане, Идел-Урале и Крыму.

Итак, дадим первую серию портретов.

I

АХМЕД-ХАН МУТУШЕВ

Адвокат, б. офицер и старый коммунист... Баку — резня в марте 1918 г... Ахмед-хан бежит в горы из... уборной, откуда вывозят его в бочке...

Он в Грозном, мечтает стать диктатором Чечни, товарищи называют его „Ахмет-хан I-ий“...

*) Настоящие очерки приславы нам лицом, недавно вырвавшимся из Советской России. Автор долгое время был на Кавказе и имел возможность весьма близко встречаться со многими горцами-коммунистами. Приводимые им „портреты“ весьма верно отражают описываемых лиц, и, вместе с этим, подтверждают наш взгляд на коммунизм горских коммунистов, ставших таковыми — или благодаря авантюризму своих натур, или в целях своекорыстных, или, благодаря легковёрности и наивности, или, наконец, благодаря всем этим причинам вместе взятым.

Ред.

Грозненский совет голодных, оборванных рабочих депутатов. Одетый с иголки, в перчатках и с хлыстиком — митингует Мутушев... „Вас смущает, товарищи, что я одет, как буржуй, чист, изящен, на автомобиле... пусть не смущает... я пришел показать вам, какими должны быть все рабочие через год, два при советской власти... Вы будете так одеты, как я, и будете в перчатках, с хлыстиками раз'езжать на автомобилях...“ (Рабочие кричат — ура...)

1919 г. — Темир-Хан-Шура. Правительство П. К. и Р. К. проводит свои дни, повторяя бесславный опыт А. Ф. Керенского Парламент, К. составил новый кабинет... Военный министр-ген. М.

Слово берет Мутушев: „Э... э... э... маленькая справка... Мы назначаем ген. М. военным министром. Он сегодня ведет переговоры с Деникиным — мы же объявили войну Деникину“. (Трансформация почти из „Ревизора“).

1921 г. — Баку. Мутушев представитель Москвы при Ц. К. турецкой комун. партии.

— „Женю Мустафа Субхи и считаю — во сколько обойдется коминтерну эта блондинка“, острит он.

1920 г. Съезд народов Востока в том-же Баку. Здесь весь букет Кремля. С трудом выдавливает старый Нариман чуждые ему слова. Мутушев учит москвичей, как решить национальный вопрос.

— „Не учите нас, мы знаем хорошо национальный вопрос во всем мире“ — говорит цекистка Стасова.

— „Два слова, — говорит Мутушев, — не понимаю я Ленина, когда он недавно говорил: „Осторожно подходите к деревне, ибо, вы, москвичи, совершенно не знаете русскую деревню“. Если Ленин говорит, что вы не знаете русскую деревню, которая в 10 верстах от Москвы, откуда-же вам знать далекий, чуждый, замкнутый Восток...“

1921 г. — Москва. Мутушеву предложено быть ректором Коммунистического университета народов Востока. Мутушев отвечает секретарю ЦК Михайлову: „Не желаю возглавлять еврейско-армянский институт, созданный для эксплуатации народов Востока“.

1922 г. Москва. Нэп. Мутушев как юрист работает в комиссия ЦИК'а по новым законоположениям.

— Что делаете Ахмед-хан?

— Составляю архи-буржуазные законы для коммунистического государства.

Горская энергия и остроумие не были по душе москвичам,

им нужны были покорные лакеи, и Мутушева сначала отодвинули в провинцию, а потом отправили на „богомолье“ на Соловки.

II

ИДРИС ЗЯЗИКОВ

— „Единственный честный и грамотный коммунист в Ингушетии—это Идрис Зязиков“—рычал Серго Ордженикидзе, когда в 1920 г. в горы проникла советская власть.

И немудрено, Серго имел основание так говорить.

Январь 1919 г., Шкуро занимает Владикавказ. Ордженикидзе и Идрис, взорвав дворец—совет, бросились в горы, где пытались спрятаться и инные комиссары. Эта прогулка немного охладила ингушские симпатии Ордженикидзе и заставила его еще больше оценить Идриса. Проникнувшие лозунгом Ленина — „грабь награбленное“—ингуши немного испытали его на доверчивом Серго и только заступничество Идриса избавило незадачливого „диктатора“ Владикавказа от худших последствий.

В 1920 г. жертвенность Идриса была оценена.

— „Все дает горцам Ленин, — распинался благодарный Идрис,—деньги, мануфактуру, землю, оружие...“

— „Осторожно, Идрис“, — покачивал головой старик-отец, народный учитель.

Идрис—комиссар...

Как хорошо... Хочется любить и тянется душа молодая к сердцу генеральской дочери—черноокой Тамары...

И пока Идрис наслаждался, Москва крепла и более не нуждалась во флирте с горскими Идрисами. Она начала стричь горы под пензенскую гребенку. Вместо звучных обещаний, пришло колхозное ярмо, голод, террор.

Завыли горы... Привычные пули пробивали лбы московских чекистов—Черноглаза, Жуковского и Сувортова.

Восстали горы...

Русский террор в новом издании с удесятенной силой повторял свой 50-летний опыт. Вновь погнали многих на далекую Сибирь и не менее далекий Архангельский край. Не миновала буря и „самого честного и грамотного“ Идриса — и пошел он замаливать свои вольные и невольные грехи, вслед за Мутушевым, на далекие Соловки, горько проклиная собственную легкомысленность и плача над загубленной молодостью.

Юеф-Бек.

Леон Василевский

(От редакции)

16 февраля т. г. клуб „Прометей“ в Варшаве чествует 40-летний юбилей политической и публицистической деятельности Леона Василевского — известного польского политика и публициста. Леон Василевский родился в 1870 г. в Петербурге. Образование получил в университетах Львовском и Пражском. Уже в дни ранней молодости он отдал себя служению идеи освобождения Польши и стал одним из первых организаторов Польской социалистической партии (П.П.С.). В конце прошлого столетия, веледствии преследования русских властей, он эмигрировал в Лондон, где с 1898—1902 г.г. редактировал польский революционный орган — „Рассвет“. Там-же он ближе ознакомился с национальными течениями инных угнетаемых Россией народов. С 1908 г. по 1914 г. Л. Василевский был редактором партийного органа ППС — „Роботник“. В 1918 г. он был назначен первым министром иностранных дел независимой Польши, а в 1920 г. был посланником Польской Республики в Эстонии.

С первых-же дней своей публицистической деятельности, Л. Василевский сосредотачивает главное внимание на национальных вопросах, подчеркивая неотделимость польского освободительного движения от освободительных движений инных народов, угнетаемых Россией. Перед войной его статьи по национальным вопросам появляются и в русских социалистических органах, в которых он также отстаивает идею освобождения угнетаемых народов. В освобожденной Польше он продолжает гласить эту свою идею. Между прочим, в 1928 г. он помещает в краковском журнале — „Przegląd Współczesny“ обширную статью под заглавием „Сепаратистское движение на Кавказе и Туркестане“, где исчерпывающе и беспристрастно описывает силу и значение национальных движений народов Кавказа и Туркестана. Здесь-же он, с полным знанием вопроса, освещает и проблему независимости горцев. Эта часть статьи знакома горскому читателю из выдержек, приводимых в № 2—3 нашего журнала в 1929 г.

Час освобождения не за горами, и тогда народы, находящиеся еще под игом России, и вместе с ними и горцы, сумеют достойно отблагодарить всех своих друзей. В числе их одно из первых мест занимает Л. Василевский.

Ныне-же, в день 40-летнего юбилея Л. Василевского, редакция „Г. К.“ присоединяет свой голос к голосу представителей инных народов, доголетним и неутомимым защитником прав которых был Л. Василевский, и шлет маститому Юбиляру свои искренние и наилучшие пожелания.

ВЕСТИ С РОДИНЫ

Горцы под „Крышей мира“

(От нашего корреспондента)

„Объявляется призыв в армию всех граждан европейцев и горцев Кавказа“.
(Из приказа правительства Советского Таджикистана — 1931 г.)

Нет худа без добра. Когда-бы в инных условиях возможно было переселение горцев тысячами под „Крышу мира“—Таджикистан и Памир? Но советская власть и колхозы совершили это чудо. В городах Таджикистана (Дюшамбе, Куляб, Курган-тюбе, Горш и др.) сейчас можно встретить столько осетин, лезгин, нигу-

шей, что иногда чувствуешь себя скорее во Владикавказе или Темир-Хан-Шуре, а не в Дюшамбе или Кулябе. Постройка дорог, извозный промысел, работа на транспорте, заготовках, постоянные дворы по всей стране — всё это находится в руках у горцев Кавказа. Суровый климат гор и ужасные горные тропинки здесь не страшны горцам, родившимся на Кавказе.

Горцы впервые привезли и ввели здесь — арбы и фургоны, что стало началом их благополучия. Таджикистан 5 лет назад не знал колес, ныне же горцы на ишаках и лошадях ввели арбы даже в Горше и Хороче на Памире, не говоря, конечно, уже о плоскости. Года 3 назад в Горш с'ехалось до 300 всадников посмотреть на колеса и арбу. Живут горцы здесь хорошо, а, главное, не опасно, ибо сослать их далее некуда и колхозов здесь пока еще нет.

г. Куляб, 1931 г.

Заур-бек.

Коллективизация и колхозы

Согласно сообщения советских газет, в 1931 г. в Адыгее и Сев. Осетии уже завершена „в основном“ сплошная коллективизация. Кабардино-Балкария коллективизирована на 89,7%, Черкесия — 24,1%, Чечня — на 36,5%, Ингушия — на 25,3%, Карачай — на 22,3%. В Дагестан, „в целях передачи опыта колхозного строительства“, посылают сроком на один месяц „50 лучших ударников-колхозников и колхозниц из 27 районов Северо-Кавказского края“.

Результаты такого форсирования коллективизации весьма метко (хотя и осторожно) охарактеризовал в статье о Карачае советский-же журнал „Революция и горец“. Выводы этой статьи применимы с успехом ко всем горским областям. „Процесс ограничения и вытеснения кулака — читаем мы в статье — в Карачаевской области в течении периода времени 1929—1931 г.г. (т. е. со дня обострения политики коллективизации—ред.) не только не сопровождался общим подъемом животноводства и поднятия хозяйства бедноты, но даже мы имеем некоторое увеличение бедняцко-средняцких хозяйств и уменьшение поголовья скота, а так-же нет сколько-нибудь значительного усиления поголовья скота в социалистическом секторе внутри Карачаевской области“. (Курсив наш). Эта правдивая выдержка названа была газетой „Молот“ „антисоветским суждением“.

О режиме, который царит в колхозах, свидетельствуют имеющиеся у нас данные по колхозу „Бирлик-Джашау“ в ауле Адель-Халк Черкесской авт. обл. Режим этот мало чем отличается от режима яракчевских военных поселений и от него веет настоящей казармой. Распределение доходов в колхозе строго в зависимости от „трудодней“. Дисциплина поддерживается специальным „товарищеским судом“. Наказания следующие: за невыход на работу — штраф до 10 руб., за „лентяйство“ во время работы — работа до 7 дней без записи трудодней, за самовольную отаучку из аула — штраф до 10 руб., за самовольное оставление работы — штраф до 10 руб., за небрежное отношение к работе — работа до 7 дней без записи трудодней. Таким образом, разница между колхозами и военными поселениями только та, что в первых — наказания характера денежного, а во вторых за аналогичные проступки били розгами и шпирутенами. Затем, в военных поселениях на работу выходили строем под барабанный бой и солдатские песни, а в колхозах, хотя так-же под командой „бригадиров“, но простой толпой, без соблюдения строгостей военного строя.

Дела просветительные

В настоящем учебном году в школах инцобластей (без Дагестана) обучается 149500 человек детей. Коренизация школы выполнена: в Адыгее и Ос-

тии на 100%, Черкесии — 90%, Кабардино-Балкарии — 87½, Карачае — 80%, Чечне — 80%, Ингушетии — 70%. За 1931 г. обучено неграмотных на родном языке в нацобла-стях — 247.998 чел. Адыгее, Сев. Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачае ликви-дацию неграмотности кончили и теперь развертывают борьбу с малограмотностью. В Адыгее, Кабардино-Балкарии и Осетии „ликбезом“ охвачено 100% женщин. В Черкесии, Карачае, Ингушетии и Чечне процент этой достигает 50%.

Таковы официальные сведения большевиков, взятые нами из северо-кав-каских советских газет. Относиться к ним надо с большой осторожностью, ибо, например, в тех-же газетах мы встречаемся с заметками вроде следующей: „Бригада проверившая работу по культпоходу в Хасаф-Юртовском районе, выявила много таких дел, которые привели этот район на самое позорное место в культпоходе. Половина неграмотных не учится, а из каждой сотни малограмотных в школы вовлечено только 15 человек. Все это прикрывалось до сих пор громкими фразами об успехах, а вместо самокритики Хасаф-Юртовцы занимались очковитирательством“. (Курсив наш). Вполне возможно, что не только Хасаф-Юртовцы „прикрываются громкими фразами“, и приводимые нами выше цифры, рисующие успехи большевиков на „культурном фронте нацобластей“, являются так-же весьма обыденным советским блефом — очковитирательством.

Разные известия

(Сообщение Инф. Бюро НПК)

— Вследствии поднятой у нас в последнее время кампании против „фальсификаторов истории горских народов“, пострадали известные горцы-большевики и авторы советских книг: Гатуев, Ашаев, Алборов, Эшба, Хайр-Хайер, Тахо-Годи, Самурский (Эфендиев), Яндаров (автор пьесы „Макожевский имам“) и т. д. Всех их обвинили в „оппортунизме“ и дела о них переданы рассмотрению партийных органов. Изданные ими книги подверглись конфискации.

— Северо-Кавказский краевой комитет решил приступить к переводу „известного шеститомника“ Ленина и труда Сталина „Вопросы ленинизма“ на следующие горские наречия: адыгейско-черкесское, карачаевское, балкарское, осетинское, кабардинское, ингушское, чеченское, аварское, кумыкское, лезгинское (?), лакское и даргинское.

— Северо-Кавказский краевой комитет вынес постановление, из которого явствует полнейший провал организации „колхозов-гигантов“. Опыт настолько не удался и принес столько хозяйственной разрухи, что ныне этим постановлением колхозы-гиганты „разукрупняются“. Отныне в каждом колхозе должно быть объединено не свыше 500 дворов, а то и менее, в зависимости от характера данного хозяйства и землепользования. Не так давно еще противников крупных колхозов-гигантов считали за отступников „от генеральной линии партии“.

— Председатель совнаркома Дагестанской совет. республики Джагала Коркмасов перенесен „на работу в центр“, а вместо него назначен видный работник дагестанского отдела ОГПУ Керим Мамедбеков.

— В Терк-Кала (Ораженкидзе) горец-студент Газданты Ладемур избранил кинжалом свою сестру, так-же студентку-медичку, за отказ выйти из комсомола.

— Запасы новооткрытого нефтяного района около аула Беной в Чечне определяются советскими источниками в 150 млн. тонн. Здесь уже развернуто бурение скважин и в т. г. предполагается приступить к постройке нефтепровода Беной-Грозный, стоимостью в 5 млн. руб.

— Советская печать опубликовала проект реорганизации управления Гро-

зиенских нефтяных промыслов. Весь аппарат управления „Грознефтью“ должен быть построен „на основе строгого проведения принципа ответственных исполнителей“. Отдельными участками будут весть исключительно инженеры, которые, главным образом, и отвечают за эффективность производства на своем участке. Таким образом, большевики постепенно приступают к ликвидации контроля производства невежественными партийными „ударниками и энтузиастами“.

— Во всех горских областях в середине января состоялись съезды местных партийных организаций, предшествовавшие состоявшему уже в начале тек. февраля в Москве XVII съезду ком. партии.

— В Чечне из состава ком. партии исключены братья Эльдархановы, ведущие агитацию против хлебозаготовок, коллективизации и советских кооперативов.

У наших соседей

(Сообщение Инф. Бюро НПК).

— В начале января т. г. в Баку состоялся суд над кооперативными работниками — Хачатуровым, Чубуковым, Мираза-Ага, Керимовым, Микртумовым и Хуссейновым, обвиненными во „вредительстве“. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания, но суд нашел возможным заменить смертную казнь лишением свободы на 10 лет с поражением в правах.

— В селении Калаган в Азербайджане антисоветскими элементами убиты учителя „общественники“ — Абила Мамедов и Гайдар-Заде, принимавшие активное участие в проведении коллективизации и воспитывающие детей в духе тезисов безбожников. Там же, в сел. Дзегам, некий Сеид Ягуб убил свою жену за посещение ею коммунистического клуба.

— 7 января в Батум на греческом пароходе „Идрис“ прибыла первая партия армян-переселенцев, которых правительство Советской Армении обещало принять и дать работу.*)

— В Азербайджане за 1931 г. „Азнефтью“ добыто 13,5 мил. тонн нефти, что составляет 88,3% плана. Добыча по сравнению с 1930 г. возросла на 2676 тыс. тонн, т. е. на 24,8% вместо намечавшихся 41,3%.

Зарубежная хроника

— Состоявшийся в декабре пр. года в Иерусалиме Всеимусульманский Конгресс (см. № 26 „Г. К.“) выделил из себя постоянный Совет в 6 человек и Эзекутиву в составе 25 чел. В число последней от мусульман, угнетаемых Советской Россией, избраны Свид Шамиль и Айяз Иехаки. Своими выступлениями, характеризующими настоящую сущность большевизма, г.г. Свид Шамиль и Айяз Исхаки создали среди участников Конгресса определенно антисоветские настроения. Видимо, в связи с этим, как сообщает орган националистов Идел-Урала — „Милля-Йол“, большевики, при помощи своих агентов на

*) Здесь уместно было-бы отметить, что советское правительство неоднократно отказывало, несмотря на наличие в наших пределах свободных земель, в разрешении реэмигрировать потомкам горцев, изгнанных после завоевания Кавказа царскими пра-вом. На эти земли вселяются сов.-прав. русские, грузинские и армянские переселенцы. — ред.

Востоке, агитируют за организацию контр-съезда, должествующего быть созванным в Геджасе во времени праздника Курбан-Байрама. Большевики, несомненно, хотят в этом случае использовать для своих целей наплыв паломников в Мекку, который особенно значителен, именно, в это время — в месяц „Хадж“.

— В начале января т. г. в Берлине, под редакцией Мехмед-Эми-Бея Расул-Заде, стал выходить орган азербайджанских националистов — „Истиклял“ („Независимость“) в виде 10-ти дневной газеты. Как явствует из передовой первого номера, перенос азербайджанского издательства в Берлин вызван закрытием азербайджанских органов „Одлу-Юрт“ и „Билядириш“ — турецким правительством под давлением правительства советского.

— Редакционная коллегия журнала „Промэтей“ в Париже приступила к устройству регулярных докладов и дискуссий; 13 января т. г. в редакционном помещении состоялся третий по счету доклад, который на этот раз сделал член коллегии г. Мир-Якуб на тему „Национальные движения и национальный вопрос“. После доклада состоялись прения, в которых приняли участие г. Гвазава, Чокаев, Шакман, Кази-Хан, Канделаки и др.

— В дополнение к сообщению в предыдущем номере („Г.К.“ № 26) о вступлении в число членов клуба „Промэтей“ представителей Ингрии, сообщаем, что аналогичное желание выразили и представители народа Коми, выславшие в правление клуба в качестве своего делегата г. Мешегга.

Обзор печати, критика и библиография

Wschód Nr. 1—2 (5—6), 1932 г. О названном журнале — органе Ориенталистического Кола Молодых при Варшавском Восточном Институте — мы уже писали в нашем журнале, перепечатав в свое время (см. „Г.К.“ Nr. 19-20) воззвание к народам Кавказа Польского Академического Союза Демократической Молодежи, помещенное в номере первом этого органа. За это время „Wschód“ сделал огромный успех, превратившись из органа неопытной молодежи в солидный журнал, трактующий с полным знанием дела все затрагиваемые в нем вопросы. Вопросы-же эти охватывают собой буквально все стороны жизни того огромного пространства нашей планеты, которое характеризуется понятием — Восток. И, несмотря на столь обширный материал, „Wschód“ носит определенно „промэтеевский“ характер, продолжая уделять главное внимание народам, угнетаемым Россией. Чувствуется, что руководство его, в лице редактора В. Бончковского, сознает в полной мере то значение, которое таит в себе не только для Польши, но и для всего мира нормализация взаимоотношений и жизни народов, насильственно и искусственно объединенных в составе СССР. Последний номер, из статей „промэтеевских“, содержит статьи: Коста Занги — „Коста Хетагкаты, как певец печали кавкаских гор“, Айяза Исхаки — „Татарская военная организация во время войны“, Пер Ерик Еллера — „Несчастливая Ингермландия“, Николая Ковалевского — „Национальная мозаика Советского Союза“. Кроме этого, „промэтеевский дух“ чувствуется и в иных статьях, как будто, непосредственно и не касающихся народов, объединенных под знаком „Промэтей“. К таковым статьям относятся статьи Владимира Бончковского — „Воинствующее государство“, Романа Хавповского — „Белое золото Советов в Туркестане“, Леона Крычиньского — „Польские татары и мир Ислама“ и т. д. Помимо статей, журнал содержит весьма богатый отдел хроники, рецензии и т. п. Читается он с большим интересом от начала и до конца. Заканчивая на этом наш обзор, мы хотим обратить

внимание редактора журнала на одно обстоятельство, непосредственно касающееся нас горцев. Дело в том, что при упоминании на страницах журнала о горах Кавказа некоторые авторы (как например, Н. Ковалевский), видимо, по неведению называют их „горцами Северного Кавказа“, популяризируя этим по существу неправильный и совершенно новый этнографический термин. Надеемся, что наше указание обратит на себя внимание и за нами в журнале будет сохранено название, может быть так-же неправильное, но, все-же, уже приобретенное право гражданства и в достаточной степени спопуляризированное.

Кубаньский Край — Орган Периодический, IX, 1931 г. — Прага. Как известно, кубанские самостийники делятся на два основных лагеря: группирующихся вокруг главы Кубанского правительства Иваниса и входящих в состав казачьей группы — „Вольное Казачество“. „Кубаньский Край“ является органом группы первой. Полученный нами последний номер (IX) этого журнала содержит ряд интересных статей и рассказов. Особенную ценность из них представляет статья П. Сулятицкого — „От разгрома Рады до капитуляции Кубанской Армии“, рисующая трагедию Кубани в черные дни конца 1919 и начала 1920 г. г. Весьма показательной для взаимоотношения упомянутых выше групп является статья Марко Пидгириного — „Нотатки“. В ней автор полемизирует с журналом „Вольное Казачество“ и здесь мы, между прочим, встречаем такую фразу: „Мы убеждены в том, что с „великой“ вольно-казачьей „тучи“ будет в результате „малый дождь“, а сегодняшние строители „Казакки“ преспокойно пойдут следом за ген. Быкадоровым“. (Ген. Быкадоров — один из идеологов и основателей группы „Вольное Казачество“, выступивший из этой группы и рекомендуемый ныне казакам ориентироваться на „единое казачество в составе сильного государства“ — какого нетрудно догадаться)

С. Б.

Новые книги

поступили для отчета:

Emmanuel Evain	Le problème de l'indépendance de l'Ukraine et la France, Paris, 1931.
Alexandre Choulguine	Vers l'indépendance de l'Ukraine; изд. Украинск. обще-ва Лиги Наций.
Евразийство	декларация, формулировка, тезисы; изд. евразийцев, 1932.

Редактор журнала: Барасби Байтуган.

Адрес редактора: Barasbi Baytugan,
Motszyńska 39, Warszawa
Pologne.

Адрес администрации журнала:
4, Villa Malakof, Paris (16)
France.

ВЫПИСЫВАЙТЕ и ЧИТАЙТЕ :

„ГОРЦЫ КАВКАЗА“

Орган защиты Северного Кавказа

адрес редакции:

Morszyńska 39, Warszawa, Pologne.

адрес администрации:

4, Villa Malakof, Paris (16), France

„ИСТИКЛАЛ“

Орган защиты Азербайджана

адрес редакции:

Postfach Nr. 16, Berlin-Charlotten-
burg, Allemagne.

„ЯШ ТУРКИСТАН“

Орган защиты Туркестана

адрес редакции:

48 bis, rue Parmentier, Nogent
s. Marne, France.

„ЭМЕЛМЕДЖМУАСИ“

Орган защиты Крыма

адрес редакции:

str. Ardealului Nr. 3, Bazargic,
Romania.

„МИЛЛИ ИОЛ“

Орган защиты Идея-Урала

адрес редакции:

Goethestrasse Nr. 5, Berlin-
Charlottenburg, Allemagne.

„МАРДЖ“

Орган горской эмиграции в Сирии

адрес редакции: boîte postale Nr. 209, Damas, Syrie.

„ПРОМЭТЕЙ“

Орган защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана

адрес редакции: 4, Villa Malakof, Paris (16), France.

قافقاسیاداعلیی خلق و قریب نسیاتی

قافقاسیاداعلیی

شمالی قافقاسیای استقلال و عوامی ترویج ایده ر مجموعه

№ 27

تبار

№ 27

1932